

С. А. ГАБРУСЕВИЧ

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1920—1930-х гг. О РЕГИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Важнейшей особенностью советской историографии гражданской войны являлась крайне одностороннее освещение событий с точки зрения победителей. Концепция санкционировалась высшим партийным и государственным руководством и нашла наиболее полное отражение в пятитомнике «История гражданской войны в СССР». Среди основных положений этого подхода можно выделить следующие: во-первых, гражданская война не являлась неизбежным следствием социалистической революции; во-вторых, гражданская война началась в результате выступления сил капиталистических держав; в-третьих, «белое дело» и его лидеры воспринимались как антинародные, антироссийские, зачастую компрадорские силы. Подобная схема позволяла сгладить глубину противоречий, характерных для российского общества в период 1917—1920 гг., оправдать политическую линию советской власти, переложив ответственность за эскалацию войны на внешних и внутренних врагов [5, с. 71].

Советская концепция гражданской войны подверглась кардинальному пересмотру в современной российской историографии, но было бы ошибочно полагать, что на протяжении всей истории Советского государства научное видение гражданской войны представляло собой неизменный набор направлений исследований, оценок, выводов. Советская историография отличалась известной динамикой в допустимых марксистской идеологией пределах.

Одним из наиболее интересных и малоизвестных в наши дни этапов изучения гражданской войны являются 1920—1930-е гг. В качестве объектов рассмотрения историографии данного периода мной были выделены региональные аспекты гражданской войны на Европейском Севере России и на Дальнем Востоке, которые отражали специфические особенности протекания гражданской войны на местах и общие черты гражданской войны и ее изучения по всей стране в целом.

Габрусевич Станіслаў Аляксандравіч — аспірант кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Организацией исторических исследований в 1920-е гг. занималась Комиссия по истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпарт), организованная по инициативе В. И. Ленина и получившая в 1921 г. статус отдела ЦК РКП(б). Региональные отделы Истпарта создавались в Центральной России, Сибири, на Дальнем Востоке, на Севере России при местных губкомах РКП(б). Задачами Истпарта являлись: поиск воспоминаний непосредственных участников гражданской войны, создание на основе собранных материалов исторической базы. Краевые отделы Истпарта были основаны в Центральной России, Сибири, на Дальнем Востоке, на Европейском Севере России.

Специфической особенностью исторических исследований, написанных в данный период, стал их «источниковый» характер. Авторами большинства работ являлись очевидцы и непосредственные участники описываемых событий, привнесшие значительный элемент субъективности и эмоциональности в исследования. Зачастую представляется сложным четко определить, чем является та или иная статья: историческим исследованием либо историческим источником. Сборники трудов Архангельского истпарта, брошюры М. К. Ветошкина, М. С. Кедрова, А. И. Отопкова фактически представляли собой воспоминания ветеранов войны, которые на момент написания своих трудов занимали ответственные посты в местных органах власти и в армии. Например, одним из наиболее авторитетных исследователей гражданской войны на Европейском Севере России, автором очерков «Борьба за советский Север», «Без большевистского руководства: из истории интервенции на Мурмане» являлся М. С. Кедров, руководивший в 1918 г. Чрезвычайной комиссией, ожесточенно боровшейся с контрреволюцией [12; 14].

Большинство авторов научных работ и научнообразных статей были непосредственными участниками войны в регионе. Меньшинство составляли профессиональные историки и военные специалисты (И. И. Минц, Н. Е. Какурин, Н. А. Корнатовский), работавшие в основном в Москве и Ленинграде и изучавшие историю гражданской войны как в целом по стране, так и по регионам, что впрочем не исключало их активного участия в гражданской войне.

Вчерашние участники боевых действий, безукоризненно придерживаясь в своих трудах марксистской методологии, старались, с одной стороны, максимально объективно и подробно передать ход событий войны, не отрицая своих просчетов и ошибок. С другой стороны, они, несмотря на декларируемые намерения исследовать недавнее прошлое,

создавали работы преимущественно описательного характера, используя в качестве единственного источника лишь свои собственные воспоминания и оценки. Следование одной схеме описания событий, стремление оправдать свои действия и описывать в первую очередь героизированные победы большевиков, известный субъективизм отрицательно влияли на качество работ.

Подобный любительский подход сопровождался отсутствием формальных атрибутов исторического исследования либо некорректным оформлением справочного аппарата, списка используемой литературы, четко сформулированных целей и задач работы и столь же четко выделенных выводов в заключение. Большинство созданных в это время работ отличалось невысоким уровнем научного анализа и теоретического обобщения фактического материала. Впрочем, было бы наивно от вчерашних ветеранов войны, людей, далеких от научного мира, получивших образование достаточно сумбурно и хаотически, ожидать чего-то более серьезного и осмысленного. Авторы называли свои работы «материалом, с которым будут работать будущие историки» [1, с. 3]. Наиболее соответствующими критериям научных исследований следует признать в первую очередь монографии И. И. Минца и Н. А. Корнатовского, 1-й том исследования М. Ю. Левидова «К истории союзной интервенции в России», 4-й номер сборника Архангельского истпарта «Октябрьская революция и интервенция на Севере. 1917—1920», работы П. С. Парфёнова [18].

В то же время в трудах советских историков неоспоримыми оставались положения о неотвратимости Октябрьской революции, решающей роли партии большевиков в разгроме контрреволюционных сил внутри страны и интервентов. Роль решающей силы, осуществившей революционные преобразования, единодушно приписывалась рабочему классу. С другой стороны, в 1920-х гг. на фоне накопления большого фактического материала оставалось возможным изучение политической борьбы в различных регионах страны, на локальном уровне.

Среди основных направлений изучения гражданской войны можно выделить рассмотрение иностранной интервенции, деятельности первых большевистских советов, партизанской борьбы против сил белогвардейцев и интервентов, исследование непосредственного хода боевых действий. Во второй половине 1920-х гг. от публикаций воспоминаний и документов был сделан шаг к публикации первых обобщающих работ по истории гражданской войны как в масштабе отдельных регионов, так и в масштабе всей страны [4; 11; 23].

В 1920-е гг. на официальном уровне поддерживался стабильный интерес к белоэмигрантской историографии. В СССР публиковались мемуары участников антибольшевистского движения, сторонников лагеря т. н. «демократической контрреволюции», дипломатов стран Антанты. В этом отношении можно упомянуть опубликованную в 1922 г. первую часть воспоминаний управляющего внутренними делами Северной области при генерале Е. К. Миллере В. И. Игнатьева «Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917—1921)» [8]. В 1927 г. в Москве был опубликован сборник воспоминаний белогвардейских офицеров, посвященный борьбе в Сибири, на Дальнем Востоке и Русском Севере [26].

Ценная информация о противостоянии на Дальнем Востоке содержалась в изданных в 1925 г. в Новониколаевске воспоминаниях генерала В. Г. Болдырева [2]. В книге были представлены портреты деятелей того времени, обрисована общая ситуация в регионе. Вместе с тем автор ошибочно полагал, что большевики и руководство ДВР стремились к конфликту с Японией, в то время как на самом деле руководство ДВР всячески стремилось предотвратить возможный военный конфликт. Кроме того, воспоминания В. Г. Болдырева подверглись редактуре и правке Б. Вегманом, в результате чего были допущены некоторые искажения исходного текста. В дальнейшем в СССР были изданы мемуары генерала Е. К. Миллера, капитана Г. Е. Чаплина, начальника штаба Миллера генерала В. В. Марушевского [19; 29].

Благодаря данным публикациям советские историки получили доступ к сведениям о контактах местных антибольшевистских сил иностранными представителями в Вологде и Архангельске в преддверии высадки интервентов в Архангельске, о предложении В. В. Марушевского выселить сочувствующих большевикам лиц в Советскую Россию, что позволило бы избавиться от ненадежных элементов и заодно арестовать потенциальных врагов режима, и о многих других вопросах.

Можно предположить, что и здесь не обошлось без конъюнктурных мотивов: деятели белого движения в своих мемуарах стремились раскрыть причины своих поражений, самокритично анализируя недавние события. Кроме того, белые генералы и политические деятели охотно упоминали о фактах разложения военных частей под воздействием большевистской пропаганды, писали о коррупции высших эшелонов власти края. Например, В. В. Марушевский в своих мемуарах критиковал зависимость правительства генерала Е. К. Миллера от английских войск и материальных поставок, писал о том, что Велико-

британия фактически превратила край в свою «полуконию», занимаясь выкачиванием из региона материальных ресурсов. В исторических работах часто встречалась цитата из воспоминаний В. В. Марушевского об «оккупационном характере» присутствия англичан в регионе [19, с. 156].

Таким образом, взгляды руководителей сопротивления большевикам служили «иллюстрацией» закономерных причин победы большевиков в гражданской войне. В это же время в центральные библиотеки СССР поступали из-за рубежа ведущие эмигрантские издания – «Архив русской революции», «Белое дело».

Другой существенной особенностью данного периода стала дискуссионность исследований, некоторый плюрализм оценок, взглядов. В качестве примеров можно привести дискуссии историков о причинах образования ДВР, о степени вовлечения различных государств Антанты в интервенцию на Европейском Севере России (работы К. С. Кедрова, Н. А. Корнатовского) [13; 15]. П. С. Парфёнов в последней главе книги «Уроки прошлого» представил беглый обзор истории возникновения ДВР, отметив, что либеральная буржуазия региона, уставшая от бесконечной войны и напуганная усилением иностранного присутствия, выступала за скорейшее прекращение гражданской войны, тем самым сближаясь с большевиками по вопросу создания ДВР [24, с. 72]. Подобная точка зрения в послевоенной советской историографии не поднималась. В ней утверждался тезис о реакционной и ограниченной позиции либеральной буржуазии.

Также П. С. Парфёнов, в отличие от последующих поколений советских историков, не придавал отрицательного значения коалиции большевиков с демократическими партиями в правительстве ДВР, не считал, что коалиция тормозила темп революционных преобразований. Согласно его точке зрения, большевики использовали настроения эсеров и меньшевиков для создания относительно устойчивого государственного образования. Вместе с тем в историографии постепенно утверждались тезисы о неотвратимости Октябрьской революции, о решающей роли партии большевиков в революции и разгроме внутренней и внешней контрреволюции [30, с. 7]. Пределы дискуссионного поля постоянно сужались, а неортодоксальные оценки тех или иных явлений в 1930-е гг. предавались забвению, как, например, признание советскими историками роли беспартийных сельских учителей в качестве организаторов партизанского движения на Дальнем Востоке [23, с. 89; 9, с. 17; 16, с. 24].

В послевоенной советской историографии долгое время неоспоримым являлся тезис о решающей роли большевиков в развитии партизанского движения на Дальнем Востоке. Принято считать, что подобное одностороннее положение было опровергнуто в современной российской историографии, однако столь категоричное утверждение не является корректным. Еще в 1920-х гг. некоторые советские историки, бывшие участниками описываемых событий, придерживались иных позиций. Так, А. Г. Яременко, рассматривая возникновение партизанского движения в Ольгинском уезде, называя террор колчаковских властей главной причиной возникновения партизанских отрядов, отводил ведущую роль в их организации сельским учителям, являвшимся в подавляющем большинстве беспартийными [31].

Вышеобозначенную тенденцию также красноречиво иллюстрирует монография бывшего комиссара С. С. Кургузова «Амурские партизаны», изданная в Хабаровске в 1929 г. Автор предпринял социальный анализ количественного состава отрядов. Выяснилось, что 40 % партизан составляли бедняки, 50—55 % — середняки, оставшиеся 5—10 % партизан являлись зажиточными крестьянами, примкнувшими к партизанской борьбе по причине постоянных грабежей со стороны местных властей, сделавших невозможным нормальное ведение хозяйства [17, с. 89]. Также достаточно самокритично советские историки описывали причины многочисленных поражений партизан в крае, писали про отсутствие дисциплины во многих отрядах, слабую связь партизанского движения и городского подполья [3; 28]. Возвращение к некоторым поднятым советскими историками того времени проблемам стало возможно только на современном этапе.

С 1930-х гг. в советской историографии на долгие годы закрепился тезис о ведущей роли сил интервентов в свержении советской власти на Европейском Севере России. В то же время авторы воспоминаний и научных работ, написанных «по горячим следам» в 1920-е гг., признавали слабость позиций большевиков в регионе, отсутствие прочной социальной базы в силу немногочисленности рабочего класса и неопределенно враждебного отношения к большевикам местного крестьянства, отрицательно относившегося к проводимой большевиками аграрной политике. Если И. И. Минц в работе «Английская интервенция и северная контрреволюция» подчеркивал преимущественно идеологические причины вмешательства стран Антанты в борьбу с большевиками, то Н. А. Корнатовский в качестве основного мотива интервенции выделял экономические интересы государств Антанты [15, с. 3; 20, с. 25—26].

Некоторые историки, пытаясь разобраться в хитросплетениях политики интервентов по отношению к Мурманскому совету, считали, что изначально страны Антанты стремились «втянуть» советскую Россию в

войну с Германией и под предлогом этого столкновения наращивать свое военное присутствие в регионе вплоть до прямой оккупации ряда территорий. Также историками отмечались противоречия между Францией и Англией, «взвешенная позиция» США (тогда в историографии была принята аббревиатура САСШ), стремившихся воздержаться от участия в интервенции. Причиной неудачи переворота капитана Г. Е. Чаплина в Архангельске в сентябре 1918 г. назывался конфликт интересов английской и американской сторон [10, с. 4]. Советские историки придавали Великобритании решающую роль в организации интервенции, оценивая величину ее вклада в материальную поддержку белых правительств и масштабов присутствия ее вооруженных сил [25]. В качестве начальных моментов интервенции историками выделялись даты высадок десантов союзников в Мурманске весной 1918 г. и захват 2 августа 1918 г. Архангельска. Заметим, что в послевоенной историографии под влиянием атмосферы холодной войны акценты изменились и США стали называться если и не главным инициатором, то хотя бы активным участником интервенции против советской России.

Также неоднозначно историками рассматривались события в регионе, предшествовавшие высадке союзников. М. К. Ветошкин признавал слабость позиций большевиков в регионе в 1917 г. – первой половине 1918 г., когда им приходилось тесно сотрудничать с более многочисленными представителями партии меньшевиков в рамках местных ячеек РСДРП [4; 22]. На страницах журнала «Пролетарская революция» историк раскрывал сложность положения советской власти, вынужденной приспосабливаться к тяжелым условиям работы, считал оправданным усилия большевиков опереться на крестьян-середняков [4, с. 74]. В то же время дискуссионными вопросами оставались отношение северного крестьянства к политике большевиков и мобилизации в Красную Армию, взаимодействие центральных и губернских властей. Упомянутый выше М. К. Ветошкин, занимавший в 1918 г. должность председателя Вологодского губисполкома, обвинял М. С. Кедрова в неосторожном провоцировании крестьянского повстанческого движения, возбужденного крутыми мерами М. С. Кедрова [7, с. 94]. Сам он оправдывал свои действия «революционной необходимостью» защиты слабой советской власти.

Подобные положения участников описываемых событий в 1930—1940-х гг. были преданы забвению, так как не соотносились с тезисом о единоличной роли партии большевиков как лидера революционных преобразований в крае. Возвращение к более взвешенному подходу стало возможно только в 1970—1980-х гг. в работах Е. И. Овсянкина, М. И. Шумилова [21; 30].

Рассматривая в работе «Северная контрреволюция» начало иностранной интервенции и деятельность антибольшевистских правительств на территории Европейского Севера России в 1918—1919 гг., Н. А. Корнатовский признавал слабый уровень политической активности местного пролетариата и небольшое число большевиков в мурманском совдепе, среди которых преобладали резкие антигерманские настроения [15, с. 9]. Также историк признавал факт массовой поддержки антибольшевистских сил на начальном этапе войны со стороны значительной части крестьянства, не ощутившего на себе помещичьего гнета и недовольного продовольственной политикой большевиков [15; с. 27]. В духе своего времени, автор называл крестьян «сырой, колеблющейся в политическом отношении массой». Заметим, что, начиная с 1930-х гг., советская историография отказалась от признания неприятного факта массовой поддержки большинством населения Европейского Севера России интервенции. Об этом предпочитали умалчивать, фиксируя внимание на героических усилиях большевиков по удержанию региона под контролем.

Неоднозначную трактовку в довоенной советской историографии получила позиция Мурманского совета весной 1918 г. по вопросу сотрудничества с державами Антанты. В начале — середине 1920-х гг. действия большевиков на Мурмане оправдывались необходимостью совместного противодействия немецкой и финской угрозам. В середине 1920-х гг. М. Ю. Левидов оправдывал действия пошедшего на союз с интервентами руководителя Мурманского совдепа А. М. Юрьева, ссылаясь на реальность немецкой угрозы краю и невозможность защитить его только лишь силами совдепа. К концу 1920-х гг. на фоне политического разгрома сторонников Л. Д. Троцкого в историографии возобладали обвинения А. М. Юрьева и Л. Д. Троцкого в «чудовищном предательстве» [18]. Так, М. С. Кедров ссылаясь на игнорирование А. М. Юрьевым озвученных в телефонных разговорах требований В. И. Ленина и И. В. Сталина о прекращении всяких контактов с англичанами [12, с. 5]. Миф о «предательстве А. М. Юрьева», игнорирующий объективную слабость большевиков на Мурмане, недовольство

подписанием Брестского мира с Германией и т. д., закрепился в советской историографии на долгие десятилетия. По-иному взглянуть на данные события удалось, пожалуй, только в рамках российской современной историографии.

На протяжении всей своей истории характерной чертой советской историографии гражданской войны являлось изучение партизанской и подпольной борьбы против белогвардейцев и интервентов, которая зачастую излишне героизировалась. В то же время историки признавали малочисленность архангельского подполья, отсутствие должной конспирации, материальных ресурсов и нужного опыта у подпольщиков,

быстрый разгром подполья и отсутствие в городе партийной подпольной организации до его освобождения в феврале 1920 г. [15, с. 71]. Историки (Г. Рейхберг, Н. Щетинин) вынуждены были сконцентрироваться на освещении многочисленных солдатских бунтов в белых войсках в течение 1918—1920 гг., приписывая разложение белых войск успехам большевистской агитации [27].

Таким образом, в рамках марксистской традиции существовало определенное разнообразие подходов и оценок. Ситуация резко изменилась в 1930-е гг., когда возобладал схематичный взгляд на историю гражданской войны, определяемый политическими целями советского руководства, не соответствующими подлинным задачам исторической науки. В результате объективное рассмотрение гражданской войны стало возможно только вне рамок советской историографической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боговой И. В.* Шенкурское восстание (записки) / И. В. Боговой. Архангельск : 1924. 74 с.
2. *Болдырев, В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты / В. Г. Болдырев. Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
3. *Безродных, И. Г.* Амур в огне / И. Г. Безродных. Хабаровск, 1929. 94 с.
4. *Ветошкин, М. К.* Революция и гражданская война на Севере. Очерки по истории борьбы за власть, организации советской власти и коммунистической партии на Севере / М. К. Ветошкин. Вологда, 1927. 144 с.
5. *Габрусевич, С. А.* Россия в годы гражданской войны (1918—1920 гг.) / С. А. Габрусевич // Современная российская историография / под ред. В. И. Меньковского: в 2 ч. Минск : РИВШ, 2009. Ч. 1. С. 71—103.
6. *Голдин, В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере / В. И. Голдин. М. : Изд_во МГУ, 1993. 200 с.
7. *Голдин, В. И.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны / В. И. Голдин, П. С. Журавлёв, Ф. Х. Соколова. Архангельск : Солти, 2007. 350 с.

205

8. *Игнатьев, В. И.* Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917—1921) / В. И. Игнатьев. М. : Госиздат, 1922. 105 с.
9. *Ильюхов, Н. И.* Партизанское движение в Приморье / Н. И. Ильюхов, М. В. Титов. Л. : Прибой, 1928. 124 с.
10. Интервенция на Севере в документах. Подг. к печати И. И. Минцем. М. : Партиздат, 1933. 96 с.
11. *Какурин, Н. Е.* Как сражалась революция / Н. Е. Какурин. М. : Политиздат, 1990. 500 с.
12. *Кедров, М. С.* Без большевистского руководства (из истории интервенции на Мурмане) / М. С. Кедров. Л. : Красная Звезда, 1930. 191 с.
13. *Кедров, М. С.* За Советский Север / М. С. Кедров. Л. : Прибой, 1927. 202 с.
14. *Кедров, М. С.* Начало интервенции. К пятнадцатилетию освобождения Мурманска от интервентов // Вестник Карело_Мурманского края. 1935. № 1—2. С. 27—28.
15. *Корнатовский, Н. А.* Северная контрреволюция / Н. А. Корнатовский. М. : Молодая Гвардия, 1930. 174 с.
16. *Кричевский, Т. Р.* Партизаны Читы / Т. Р. Кричевский. Чита, 1929. 183 с.
17. *Кургузов, С. С.* Амурские партизаны / С. С. Кургузов. Хабаровск, 1929. 112 с.
18. *Левидов, М. Ю.* К истории союзной интервенции / М. Ю. Левидов. Л. : Прибой, 1925. 184 с.
19. *Марушевский, В. В.* Белые в Архангельске (мемуары белогвардейского генерала) / В. В. Марушевский. Л. : Прибой, 1930. 250 с.
20. *Миц, И. И.* Английская интервенция и северная контрреволюция / И. И. Миц. М. Л. : Госсосоэкономиздат, 1931. 256 с.
21. *Овсянкин, Е. И.* На изломе истории / Е. И. Овсянкин. Архангельск : Архконсалт, 2007. 560 с.
22. *Отопков, А. И.* Октябрьская революция и гражданская война на Севере / А. И. Отопков. Архангельск : Партиздат., сер. краев. отдел, 1932. 214 с.
23. *Парфёнов, П. С.* Борьба за Дальний Восток / П. С. Парфёнов. Л. : Прибой, 1928. 366 с.
24. *Парфёнов, П. С.* Уроки прошлого / П. С. Парфёнов. М. : Госиздат, 1931. 105 с.
25. *Полунин, С.* Английская интервенция в 1918—1920 гг. / С. Полунин, Б. Якушкин. М.—Л. : Госиздат, 1928. 106 с.
26. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев / Т. 4: Гражданская война в Сибири и Северной области / сост. С. А. Алексеев. М.—Л. : Госиздат, 1927. 326 с.
27. *Рейхберг, Г.* Разложение оккупационных войск Антанты в годы гражданской войны (1918—1920) / Г. Рейхберг, Р. Ольска // Исторический журнал. 1939. № 9. С. 87—97.
28. *Степанов, Ф.* Тактические уроки борьбы / Ф. Степанов. Чита, 1929. 35 с.
29. *Чаплин, Г. Е.* Два переворота на Севере (1918) / Г. Е. Чаплин // Белое дело. Берлин, 1928. Т. 4. С. 12—31.
30. *Шумилов, М. И.* Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России / М. И. Шумилов. Петрозаводск : Изд_во Петрозаводского ун_та, 1992. 95 с.
31. *Яременко, А. Н.* Партизанское движение в Приморской области 1918—1920 гг. / А. Н. Яременко // Пролетарская революция, 1922, № 7. С. 15—22.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 5 мая 2010 г.

206